

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

© 2020 г. М. О. Акишин

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

E-mail: Akishin-MO@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.02.2018 г.

Аннотация. В статье рассматривается история юридического языка и его значение в развитии правовой культуры России. Устанавливается, что лексика юридического языка начинает формироваться в догосударственный период. Образование государства привело к становлению государственного языка. Влияние византийского права в X–XVII вв. обусловило формирование лексической основы юридического языка России. В период Российской Империи юридический язык обогащается благодаря притоку романо-германской и латинской правовой терминологии, влиянию церковнославянского языка. В советский период были предприняты попытки обновления юридического языка за счет включения из него «канцеляризмов» и наполнения «советской» терминологией.

Ключевые слова: национальная культура, правовая культура, история России, государство и право, закон, обычай, государственный язык, юридический язык, церковнославянский язык, юридическая техника.

Цитирование: Акишин М.О. Юридический язык в истории правовой культуры России // Государство и право. 2020. № 2. С. 172–183.

DOI: 10.31857/S013207690008555-2

LEGAL LANGUAGE IN HISTORY OF LEGAL CULTURE IN RUSSIA

© 2020 М. О. Akishin

Novosibirsk National research state University

E-mail: Akishin-MO@yandex.ru

Received 25.02.2018

Abstract. The article considers the history of legal language and its importance in the development of legal culture in Russia. Establishes that the vocabulary of legal language begins to form in the pre-state period. The formation of the state led to the formation of the state language. The influence of the Byzantine law in the X–XVII centuries led to the formation of lexical bases of the legal language of Russia. In the period of the Russian Empire, the legal language is enriched by the influx of Romano-Germanic and Latin legal terminology, the influence of the Church Slavonic language. In the Soviet period attempts were made to update the legal language due to the delisting of “kantselyarizmami” and filling the “Soviet” terminology.

Key words: national culture, legal culture, history of Russia, state and law, law, custom, state language, legal language, Church Slavonic language, the legal technique.

For citation: Akishin, M.O. (2020). Legal language in history of legal culture in Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 172–183.

В науке общепризнанным является положение об основополагающей роли языка в становлении и развитии государственности. Однако это положение не применимо к народному разговорному языку, который в своем диалектическом дроблении на ранних этапах развития государства отражает племенные различия, а затем — культурные особенности отдельных регионов единой страны. Это положение характеризует государственный язык и его ядро — юридический язык. С одной стороны, важнейшее требование, предъявляемое к юридическому языку, — доступность, поэтому диалекты народного языка являются той основой, на которой он возникает и развивается. С другой, язык права отличается единством, точностью и ясностью понятийного аппарата и синтаксической структуры. Юридический язык с момента своего появления является эталоном правильной письменной и устной речи.

Истории делового стиля русского языка посвящены классические исследования А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, П.Я. Чернова, В.В. Иванова, Б.А. Ларина и др. Отдельные проблемы истории юридического языка рассматривались В.А. и В.В. Роговыми, А.С. Пиголкиным, А.А. Ушаковым, Е.О. Чинорян, Е.А. Юртаевой и др. Однако общего очерка истории юридического языка и его значения в становлении и развитии правовой культуры России еще не создано. В настоящей статье предпринята попытка поставить эту проблему.

Лексика юридического языка России начинает формироваться еще до появления государства. В.В. Иванов и В.Н. Топоров доказали, что слова с корнем «прав», производные от «право», появились еще в праславянском языке¹. Слово «закон» также имеет праславянское происхождение. В недатированной части «Повести временных лет» оно используется при описании догосударственного быта восточных славян: «Все эти племена имели свои обычаи и законы своих отцов»². А.С. Львов связывал происхождение слова *zakon* с глаголом *zakonati* (устроить, установить), использовавшемся во всех славянских языках³.

Возникновение Древнерусского государства вело к стиранию различий между восточнославянскими племенными союзами. Именно в этот период, по замечанию В.В. Виноградова, «родилась

идея единства Русской земли, идея единства русского языка»⁴.

Важнейшим событием в истории Руси стало крещение и распространение письменности на церковнославянском (древнеболгарском) языке. Крещение обусловило влияние византийского права на княжое право Древней Руси. Видимо, в состав княжеской дружины входили не просто грамотные люди, а «книжники», что позволило достаточно рано оформить княжеским канцеляриям. Формирование круга лиц, способных к восприятию византийского законодательства, отразилось на его переводах. На церковнославянский язык были переведены выборки из Дигест и Новелл Юстиниана, Эклога, Прохирон, Земледельческий закон, Номоканон и др.⁵ Ссылки на Номоканон как на нормативную основу церковного судопроизводства содержатся в ст. 4 Устава Владимира, в ст. 1 Устава Ярослава, в ст. 1 Новгородской судной грамоты. Соблюдение и использование византийского церковного законодательства было обязательно для Русской Православной Церкви. В ответах митрополита Иоанна II говорится: «Прилежи паче закону, неже обычаю земли»⁶.

Византийское влияние отразилось в светской юридической лексике. После принятия христианства слово «закон» стало использоваться для обозначения Божественных установлений. Княжеские узаконения стали именоваться «правдами» и «уставами».

Основным результатом княжеского правотворчества стала Русская Правда. Древнейший из известных ныне списков Русской Правды дошел в составе Новгородской кормчей 1282 г. В нем наблюдается почти полное отсутствие церковнославянизмов. А.А. Шахматов, а за ним В.В. Виноградов считали: «Очевидно, письменная передача лишь закрепила готовый, обработанный устный текст: кодификация произошла в живой речи, а не на письме»⁷. Все последующие списки Русской Правды сохранили древнерусскую языковую основу, но подверглись все более сильному влиянию церковнославянского языка⁸. Таким образом, несмотря на то что писцы великокняжеских канцелярий и монахи-переписчики свободно владели церковнославянским языком, они стремились сохранить древнерусскую языковую основу княжого права, сделать его доступным для населения.

¹ См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 10–30.

² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 146.

³ См.: Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 189.

⁴ Виноградов В.В. История русского литературного языка // Виноградов В.В. Избр. труды. М., 1978. С. 15.

⁵ См.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

⁶ Русская историческая библиотека. Т. VI. Стб. 3.

⁷ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 21.

⁸ См.: Селищев А.М. Избр. труды. М., 1968. С. 129–140.

В создании Древнерусского государства участвовали не только восточнославянские племена, но и угро-финны, скандинавы и др. При этом уже на самых ранних этапах истории Древней Руси существуют свидетельства о языковой общности, которая возникла, по крайней мере, среди княжеских дружинников. По сообщению византийского историка Иоанна Скилицы, в 970 г. во время сражения объединенного войска из русских, болгар, венгров и печенегов с византийцами, русские выстраивались вместе с болгарами, объединяясь благодаря языковой общности⁹.

Словарь княжого права свидетельствует о стремлении сделать его доступным для многонационального окружения князя. Большинство понятий, связанных с дружиной, были заимствованы. Из германских языков было заимствовано слово «князь». Из древнескандинавского языка — «ви́рьник», «ви́тязь», «тиун», «ябедник» и др. Из тюркского — титулы «каганъ» и «хан», «боярин», термины «сан», «казна» и др.¹⁰

О значении заимствований из греческого и церковнославянского языков А.С. Пушкин писал: «Как материал словестности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими. В XI в. древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи... Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность»¹¹.

Среди наиболее важных церковнославянских терминов следует отметить «владеть», «суд», «учредить», «вече». Из греческого заимствованы названия чинов Русской Православной Церкви, обозначения людей по их отношению к тому или иному сословию («холоп» — от греч. *χαλῆλος* — раб; «кметь» — от греч. *κοιῆτης* — знатный витязь), названия некоторых правовых актов (грамота — от греч. *γράμματα* — чтение и письмо, указ)¹².

Многие термины появились благодаря переосмыслению исконно древнерусских слов. Так, слово «корьмъ» изначально имело смысл «пища», но в юридическом языке появился термин «кормление» (содержание за счет поборов с населения

князей и княжеских людей). Слово «вѣдати» имело смысл «знать», но стало означать «управлять, заведовать». Слово «одѣржати» означало «заключать в себе», но стало означать «властвовать, повелевать»¹³.

Образованность древнерусской элиты отразилась в формировании требований точности и ясности юридического языка. Важно отметить критику В.А. Роговым и В.В. Роговым господствующего в историко-правовой науке положения о «казуальности» юридических норм древнерусского права, из которого обычно делается вывод о неспособности древнего мышления к юридическим абстракциям. Они обратили внимание на то, что не следует смешивать «казуальность» самой нормы и статьи закона. Например, только часть норм Русской Правды, закрепляя обычаи, являются казуальными, значительное число статей «построено на обобщении практики эпохи становления кодекса», «имеют единую норму, единую гипотезу и диспозицию, разница лишь в санкциях по отношению к “социальному статусу” участников правоотношений»¹⁴.

Доступность и точность юридического языка, наличие абстрактных норм, видимо, являются следствием той модели христианизации, которую избрали византийские миссионеры. В христианском просвещении русских им удалось соединить сложные теории патристики с реалиями жизни Руси. Не вызывает, например, никаких сомнений, что Устав о долгах и процентах, политическая и литературная деятельность князя Владимира Мономаха были обусловлены влиянием христианского гуманизма и образцами социальной политики византийских императоров¹⁵.

Распад государственного единства во второй половине XII в. привел к усложнению языковой ситуации. По мнению В.В. Виноградова, новая литературная манера в актах Галицко-Волынского княжества была частью осознанной политики обособления «от киевского центра даже в таких вещах, как правописание»¹⁶. В языке Новгорода и Пскова со второй половины XII в. нарастают фонетические и морфологические особенности. На северо-востоке Руси формируются ростово-суздальские, тверские, рязанские и прочие говоры. Н.С. Трубецкой отмечал, что «в домонгольской

⁹ См.: Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 45.

¹⁰ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. М., 1986. С. 40, 250, 278, 283, 324.

¹¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10-ти т. Т. 7. Критика и публицистика. Л., 1978. С. 19.

¹² См.: Фасмер М. Указ. соч. С. 110, 322; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 154, 156; т. 2. С. 216, 298, 348, 349.

¹³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. С. 43, 44; вып. 7. С. 316–318; вып. 12. С. 271, 272; вып. 17. С. 150, 151.

¹⁴ Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.). М., 2006. С. 87, 88.

¹⁵ См.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 236, 237.

¹⁶ Виноградов В.В. Указ. соч. С. 26, 27.

Руси областные говоры русского языка были до некоторой степени официальными языками соответствующих городов и княжеств»¹⁷.

На протяжении XIII–XV вв. русские земли находились под ордынским игом, что ставит проблему изучения государственного языка Золотой Орды. По мнению Л.Ф. Абзалова, в эпоху Чингиз-хана делопроизводство велось и на монгольском, и на тюркском языках, использовалась практика переводов на китайский, арабский, персидский и другие языки. В период становления Золотой Орды сохранялся монголо-тюркский билингвизм, но затем монгольский язык был вытеснен тюркско-татарским языком. Практика переводов на другие языки в дипломатической переписке продолжалась¹⁸.

В русских землях государственные языки Золотой Орды использовались в ордынских документах, адресованных князьям и митрополитам. Но во внутреннем управлении русскими землями и в богослужении господствовали русский и церковнославянский языки. В условиях монголо-татарского ига продолжился процесс превращения областных говоров русского языка в официальные языки отдельных княжеств и вечевых городов.

Новгородская земля продолжила развитие своей специфической формы государства — вечевой республики. Это отразилось на формах права северо-запада Руси. А.А. Зимин отмечал, что Русская Правда стала «основой развития русского права в Новгороде и Пскове»¹⁹. В XV в. появляются местные своды права — Новгородская и Псковская судные грамоты, составленные на севернорусском наречии русского языка²⁰.

Ядром консолидации русских земель на Северо-Востоке стало Московское великое княжество. Состав его населения в XIII–XIV вв. сказался на разговорном языке и письменности. На севере и востоке от Москвы простирались севернорусские поселения. Московская элита пользовалась преимущественно севернорусским наречием. В конце XV — начале XVI в. в состав Московского государства вошли княжества, на территории которых были распространены южнорусские говоры. На основе смешения северных и южнорусских говоров образовалось среднерусское наречие — основной тип разговорного великорусского языка.

¹⁷ Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 132.

¹⁸ См.: Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013. С. 26, 72, 78–80, 84, 91–117, 132–134.

¹⁹ Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 279.

²⁰ См.: Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980.

Особенностью государственности на северо-востоке Руси была сильная великокняжеская власть, опиравшаяся в своей деятельности на великокняжескую канцелярию. По наблюдению С.М. Каштанова, «княжеские писцы становятся одним из характерных институтов управления уже с конца XIII в.»²¹. Раннее правотворчество Московской Руси характеризовалось приспособлением Русской Правды к ее социальным реалиям. В XIV–XV вв. появляются собственные узаконения московских великих князей — Двинская и Белозерская уставные грамоты. Языком княжеских узаконений и судебных актов был деловой стиль русского языка²².

По наблюдению А.И. Соболевского, с конца XIV в. началось второе (после крещения) южнославянское влияние²³. В московских списках «Русской Правды» прослеживаются заимствования из церковнославянского языка: термин «должебить» (кредитор) заменяется на «должник», термин «обида» — на «лихое дело», «дурно», «воровство», термин «головник» — на «убийца»²⁴.

В Русском государстве конца XV–XVII в. завершается формирование великорусской народности. Термин «Великая Россия» имеет византийское происхождение (греч. ἡ Μεγάλη Ρωσία). Появился он в перечне митрополий, находящихся под юрисдикцией константинопольского патриарха в XII в. В связи с переносом резиденции митрополита «всего Руси» из Киева в Москву этот термин стал использоваться для обозначения земель северо-востока Руси. Официальный статус он приобрел при включении в 1584 г. в чин венчания на царство Федора Иоанновича, когда было указано, что прежние великие князья передавали своим сыновьям «царство и великое княжество Великия Росия»²⁵.

В Русском государстве нерусские народы пользовались уважением их права на использование родных языков. Как доказала Ф.М. Хисамова, языком восточной дипломатии России в XVI — начале XIX вв. был старотатарский язык²⁶. При присоединении народов Сибири с родоплеменной верхушкой заключались шертные договоры, согласно

²¹ Каштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 378.

²² См.: Горшкова О.В. Язык московских грамот XIV–XV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.

²³ См.: Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 147–158.

²⁴ Селищев А.М. Указ. соч. М., 1968. С. 131.

²⁵ Соловьев А.В. Византийское имя России // Византийский Временник. Т. 12. М., 1957. С. 134–155.

²⁶ См.: Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI–XIX вв.). Казань, 2012.

которым аборигены сохраняли права местного управления и суда на родном языке²⁷.

Статус государственного сохранили церковнославянский и деловой стиль великорусского языка. Церковнославянский язык остался литературным языком и языком церковного права (в частности, языком Стоглава 1550 г. и первого печатного издания Кормчей 1653 г.). Цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич поддерживали киевское влияние на церковнославянский язык. В 1648 г. в Москве была издана «Славенская грамматика» Мелетия Смотрицкого, т.е. верховная власть впервые в истории России официально стала определять норму церковнославянского языка²⁸.

В Русском государстве верховная власть принадлежала «государю всея Руси». В конце XV — первой половине XVI в. сохранялся титул московского великого князя. Но после падения Византии «государь всея Руси» оказывается единственным независимым монархом православного мира. Это проявляется в неофициальном наименовании его «царем». Уже в XV в. глава Русской православной церкви митрополит Иона именует Василия II Темного «царем» и «самодержцем». Официально этот титул был принят в 1547 г. в акте венчания на царство Ивана IV Грозного.

Власть государя была ограничена органами сословного представительства — Боярской думой, Освященным собором и Земскими соборами. В связи с характеристикой формы правления Русского государства как сословно-представительной монархии рассмотрим развитие значения термина «земский». Первоначально он означал относящийся к земле. Но в царствование Ивана IV происходит попытка выделить из всей территории Русского государства опричнину, особый «удел» царя (от слова «опричь» — кроме) и противопоставить его «земщине». Иными словами, термин «земщина» был отнесен к той территории государства, где действовали органы сословного самоуправления²⁹.

Формирование законодательства и приказного управления Московского государства сопровождалось развитием делового стиля великорусского языка, который в связи со значительной ролью приказного управления в XVI—XVII вв. получил название приказного языка. По мнению О.В. Никитина, «московский приказный язык унифицирует

диалектные особенности, перерабатывает их и становится государственным языком»³⁰.

Приказная система управления начинает формироваться в конце XV в. на основе великокняжеской канцелярии. Термин «приказъ» первоначально означал распоряжение. Но затем он стал использоваться в двух новых смыслах. Во-первых, управление какой-либо частью дворцового или монастырского хозяйства, территория, в пределах которой осуществлялось это управление. Во-вторых, государственный орган, имевший в своем ведении какой-либо круг государственных дел. Использование термина «приказъ» в последнем значении привело к номинации большинства центральных органов государственной власти³¹.

В XVI в. еще не завершился процесс становления закона как формы права в современном смысле слова. Памятники русского права были фиксацией постепенно изменяющейся юридической практики³². Однако создание государства было невозможно без формирования единого правопорядка на всей его территории. После создания единого государства были созданы своды общерусских правовых норм — Судебники 1497 г. и 1550 г., Стоглав 1551 г.

После издания Судебника 1550 г. усиливается законотворческая деятельность высших органов власти: с 1550 до 1649 гг. было принято не менее 401 уложение, указа, соборных и боярских приговоров. Языком Судебников 1497 и 1550 гг., указных книг приказов второй половины XVI — первой половины XVII вв. был деловой (приказной) стиль русского языка³³.

Важнейшим рубежом в истории русского права является принятие Соборного уложения 1649 г., в котором отразилось новое понимание законотворческих полномочий монарха. В отличие от своих предшественников, царь Алексей Михайлович не только апеллирует к «старине», но и подчеркивает свои законодательные новшества: «...впредь с нынешнего уложения». Основу языка Уложения 1649 г. составил деловой (приказной) стиль великорусского языка, который подвергался сознательной архаизации и славянизации³⁴.

³⁰ Никитин О.В. Речевые средства деловой письменности, их функционально-стилистический орнамент в «Словах и делах государевых» // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2007. № 4/17. С. 92.

³¹ См.: Словарь русского языка XI—XVII. Вып. 19. С. 168, 169; вып. 21. С. 66, 67.

³² См.: Петров К.В. Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI — XVII вв. // Государство и право. 2007. № 7. С. 80—83.

³³ См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.

³⁴ См.: Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. М., 1953. С. 28—32, 133, 134.

²⁷ См.: Акишин М.О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Т. 12. Вып. 5. Археология и этнография. 2013. С. 233—241.

²⁸ См.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.: учеб. М., 1982. С. 23.

²⁹ См.: Словарь русского языка XI—XVII. Вып. 5. С. 380.

Расширение законотворческих полномочий монарха после принятия Уложения 1649 г. сказывается на росте числа нормативных актов. В царствование Алексея Михайловича их было издано не менее 618. В Новоуказных статьях начинает широко использоваться термин «законъ», «законодание», «законодательство», «законоположение», а также усиливается заимствование норм византийского права.

Российская Империя XVIII–XIX вв. являлась многонациональной державой. А. де Кюстин вспоминал о словах, сказанных ему Николаем I: «Нет другой страны, где расы, нравы, верования и умы разлились бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в глубине, одинаковость же — на поверхности: единство наше только кажущееся. Вот, извольте взглянуть, неподалеку от нас стоят двадцать офицеров; из них только двое первых русские, за ними трое из верных нам поляков, другие частью немцы; даже киргизские ханы, случается, представляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов, вон один из них»³⁵.

Государственный статус русского языка впервые был законодательно закреплен только в ст. 3 Основных законов 1906 г.: «Русский язык — есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях». Однако верховная власть учитывала интересы национальных меньшинств. В той же статье говорилось: «Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами». В Великом княжестве Финляндском шведский и финский языки были государственными. В Царстве Польском до середины XIX в. польский язык сохранял положение государственного. В Остзейских губерниях использовались немецкий, эстонский и латышский языки. Языки восточных «инородцев» использовались в местном управлении и суде.

Значительные изменения в имперский период произошли в развитии русского языка. До преобразований Петра Великого принято говорить о донациональной эпохе его развития. В XVIII в. русский литературный язык получает национальный характер. Важную роль в этом сыграл язык деловой письменности, т. к. именно он служил для всего государства «органом правительственной власти» и «символом государственного единства»³⁶.

По мнению В.В. Виноградова, суть языковой политики правительства заключалась в «упрощении строя литературного языка, приближении его грамматической, лексической и семантической структуры к пониманию широких кругов русского народа». В 1708 г. была введена гражданская азбука, которая

положила начало созданию русского литературного языка и нанесла «резкий удар средневековому феетицизму в сфере церковнославянского языка»³⁷. Реформа церкви привела к ограничению сферы использования церковнославянского языка.

Важным направлением государственной политики было использование достижений европейских стран, что отразилось на усилении переводческой деятельности. Об изменениях в этой сфере А.И. Соболевский писал: «До Петра переводы с польского, — обычное дело, многочисленны; при Петре их уже почти нет: увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство»³⁸.

Общее число иноязычных заимствований в XVIII в. составляет около 8.5 тыс. терминов. При этом на петровскую эпоху приходится 52% от их числа. Наиболее сильному обновлению за счет европейской лексики подверглась административная сфера (около 25% заимствований). Наибольшее число административных терминов приходится на немецкий язык (43.2%), что свидетельствует о влиянии германской модели администрации³⁹.

Особенностью переводческой деятельности начала XVIII в. было механическое заимствование европейских терминов и их толкования путем глоссирования. Недостаточность такого перевода осознавалась Петром I. 25 февраля 1709 г. царь писал Ивану Зотову: «Надлежит вам к той книжке, которую ныне переводите, остерегаться в том, дабы внятнее перевести и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сенс (лат. *sensus* — смысл, значение) выразумев, на свой язык уж так писать, как внятнее»⁴⁰.

В 20–60-х годах XVIII в. возникает требование ограничения притока европейской лексики. Основы нормализации русского языка были заложены в теории трех стилей М.В. Ломоносова. По его мнению, простой или низкий стиль целиком складывается из элементов живой разговорной русской речи. Средний стиль состоит из слов и форм, общих церковнославянскому и русскому языкам. В высокий слог входят славянизмы и выражения, общие русскому и церковнославянскому языкам. Ломоносов признавал естественным обогащение

³⁷ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. С. 82, 84, 90.

³⁸ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 81.

³⁹ Шамшин И.В. Административная лексика в памятниках деловой письменности XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 25.

⁴⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 106.

³⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. I. М., 1996. С. 99.

³⁶ Винокур Г.О. Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 115.

русского языка за счет иноязычных слов, но выступал против их чрезмерного заимствования. В то же время он стремился содействовать сближению русской науки с европейской, используя, с одной стороны, научную терминологию, составленную преимущественно из греко-латинских корней, а с другой стороны, образуя новые русские термины или переосмысляя уже существующие⁴¹.

Государственная политика в сфере нормирования русского языка стала одним из факторов становления литературного языка, который окончательно оформился благодаря гению А.С. Пушкина. Однако государственным языком Российской империи оставался деловой язык коллегий XVIII в. и министерств XIX в. М.Л. Магницкий отмечал, что в начале XIX в. образовался «классический деловой и государственный слог»⁴².

Развитие юридического языка происходило в условиях неограниченной власти монарха в России. В ст. 1 Свода законов Российской империи 1832 г. говорилось: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». М.М. Сперанский, автор этого определения, давал ему следующее толкование: «Слово самодержавие имеет два разных смысла. Когда оно прилагается к государству, то оно означает независимость государства от всякой посторонней власти... Когда оно прилагается к особе государя, то оно означает соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения... Слово неограниченность власти означает то, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне ни внутри империи, не может положить пределов верховной власти российского самодержца»⁴³.

Только в ст. 4 Основных законов 1906 г. из характеристики сущности власти императора исчез эпитет «неограниченный». В 1906 г. создается российский парламент — Государственная дума. Проводится реформа Государственного Совета. Согласно Основным государственным законам 1906 г., «государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой».

Способом внешнеполитической легитимации абсолютизма было уподобление России великим державам античности и Средневековья. Новый

статус монарха в международных отношениях формально был выражен 22 октября 1721 г. в акте принятия Петром титулов «Отца Отечества, императора и Великого». Этот титул был калькой с титула римских императоров, включавший термины “Imperator” и “Pater Patriae”.

Становление абсолютной монархии и государства Нового времени привели к появлению закона в современном смысле слова и превращению его в основную форму выражения права. В проекте кодификации государственного права Екатерины II было дано следующее определение: «Гражданский закон есть правила поведения подданных, предписанной законодательной властью, которая повелевает правое и запрещает неправое»⁴⁴.

В русском юридическом языке появляется термин «конституция» (фр. *constitution*, от лат. *constitutio* — установление, устройство). Видимо, первым этот термин использовал Феофан Прокопович, назвав именным Указ о престолонаследии 1722 г. в своем сочинении «Правда воли монаршей» «конституция или устав». Использование этого термина не было случайностью. Петр и его преемники были знакомы с конституционным опытом и естественно-правовыми учениями Европы. Влияние этих учений прослеживается в законодательстве на протяжении XVIII—XIX вв.

Отмена крепостного права в 1861 г. и развитие буржуазных отношений привели к появлению требований «власти закона». Основными законами 1906 г. были закреплены формальные признаки закона как правового акта, принятого Государственным Советом и Государственной думой и утвержденного императором. В ст. 11 говорилось о том, что именные указы издаются «в соответствии с законами». Эти нормы способствовали отграничению законов от подзаконных нормативных актов и установлению иерархических связей между ними по юридической силе.

В XVIII—XIX вв. формулируется требование к точности языка закона, которая не должна была противоречить его доступности для подданных. Закон, по замыслу Петра Великого, был не только формой выражения права, но и средством создания «политического общества», обладал дидактической и полемической функциями. В законы включается мотивировочная часть, в которой обосновывалось, что прежние «варварские обычаи» были противны «общему благу».

В ст. 158 «Наказа» Екатерины II устанавливалось: «Законы должны быть писаны простым

⁴¹ См.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. VII. М.; Л., 1952. С. 768.

⁴² Магницкий М.Л. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835. С. 22, 25–28.

⁴³ Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 59, 61.

⁴⁴ Омельченко О.А. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Проблемы политической и правовой идеологии. М., 1989. С. 82.

языком; и уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цену достать можно было наподобие букваря... И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат».

В 1913 г. особым совещанием из старших чинов Государственной канцелярии и Канцелярии Государственной думы были приняты Правила изложения законопроектов. Требования к структурированию текстов нормативных правовых актов изменились: заглавия актов отличались большим лаконизмом, оформление постановляющей части унифицировано, использование примечаний к статьям и приложений ограничено⁴⁵.

В законодательстве XVIII в. происходит становление системы общеправовой терминологии и подсистем отдельных отраслей права. В частности, происходит обособление уголовного права в отдельную отрасль законодательства. Термин «криминальное дело» был заимствован в начале XVIII в. через польский из латинского языка (лат. *criminalis*, *crimen* — обвинение, вина). Термин «уголовщина» является производным от древнерусского обозначения убийства — «головщина». Родовой номинацией общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом под страхом наказания, становится термин «преступление». Родовой номинацией для обозначения меры государственного принуждения — «наказание».

Происходит развитие понятийного аппарата частного права. В качестве общего обозначения субъекта права закрепляется термин «лицо», вытесняя термины «особа» и «персона». Имущество обозначалось терминами «имение» и «стяжание». В сфере обязательственного права происходит калькирование латинских слов: «обязательство» (*obligatio*), «договоры» (*pacta*), «отрицательный» (*negativus*), «вменение» (*imputatio*) и т.п. Именной Указ о единонаследии 1714 г. отнес термины «наследие» и «наследник» ко всем лицам, которые вступают в наследство. В XVIII в. приказной термин «духовная» вытесняется церковнославянским «завещанием»⁴⁶.

В 1830-х годах была осуществлена хронологическая инкорпорация права в форме «Полного собрания законов» и его консолидация в форме «Свода законов Российской империи», которые привели к окончательному оформлению деления российской правовой системы на отрасли.

В Российской Империи происходит становление юридической науки, что отразилось на исследовании языка закона. М.В. Ломоносов следующим образом сформулировал задачу академической правовой науки в 1765 г.: «Юриспрудент, наподобие историографа, должен собирать все, что надлежит до российских новых и древних прав и для их объяснения, и приводить в систематическое расположение для пользы при сочинении прав российских. Паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов неограниченных и сомнительных и двусмысленных производит в суде великие беспорядки и отдаляет от правды к заблуждению и к ябедам»⁴⁷.

Основы изучения юридической техники и юридического языка были заложены европейскими учеными Ф. Бэконом, И. Бентамом, К. Ильбертом и др. В России те же вопросы теоретически ставились и практически разрешались в законотворческой деятельности и научных трудах М.М. Сперанского. Предмет и методологию этой науки определил в конце XIX в. немецкий правовед Р. фон Иеринг. В конце XIX — начале XX в. в России появились труды по юридической технике А.А. Башмакова, Н.М. Коркунова и др. Эти труды имели практическую реализацию в связи с участием в работе Государственного Совета и Государственной думы выдающихся правоведов С.А. Муромцева, Г.Ф. Шершеневича, Л.И. Петражицкого, М.М. Винавера, В.Д. Набокова, П.И. Новгородцева, филолога Е.Н. Трубецкого и др.

Становление советской власти привело к переходу к федеративному территориально-политическому устройству. После победы Октябрьской революции в Декларации прав народов России были обнародованы основные принципы национальной политики — право наций на самоопределение и равноправие всех наций. В Конституции РСФСР 1918 г. был закреплён национально-территориальный принцип создания Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 30 декабря 1922 г. был подписан Договор об образовании СССР. В Конституции СССР 1924, 1936 и 1977 гг. языкам национальных меньшинств придавался статус государственных и официальных.

⁴⁵ См.: Правила изложения законопроектов. СПб., 1913.

⁴⁶ Смирнова Н.В. Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2009. С. 9—11; и др.

⁴⁷ Ломоносов М.В. Новое примерное расположение и учреждение Санкт-Петербургской императорской академии наук, на высочайшее рассмотрение и апробацию сочиненное. Регламент Санкт-Петербургской императорской академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 149.

Несмотря на то что в СССР осуществлялась политика равноправия в языковой сфере, объективные условия вели к тому, что именно русский язык стал основой для юридического языка общесоюзного значения, что осознавалось с первых дней революции. В соответствии с Декретом Наркомата просвещения РСФСР от 23 декабря 1917 г. «О введении нового правописания» русский язык устанавливался в качестве рабочего языка, на нем велось делопроизводство в государственных органах и учреждениях, преподавание в школах и т.д. На основе этого Декрета была проведена реформа по упрощению орфографии русского языка. Победа в Великой Отечественной войне резко усилила значение русского языка. В международных отношениях его статус был закреплён в ст. 111 Устава ООН 1945 г., согласно которой русский язык наряду с английским, французским, китайским и испанским получил статус международного.

На всем протяжении советского периода серьезное внимание уделялось языку закона. В.И. Ленин требовал от составителей проектов четко определять цели, преследуемые принятием соответствующего декрета, «юридически точнее формулировать... права»⁴⁸. В своей практической работе Наркомат юстиции РСФСР исходил из того, что законы Советской власти «должны быть понятны широким массам трудящихся, а не только замкнутой касте законовевов»⁴⁹. В 1931 г. нарком просвещения А.В. Луначарский писал: «закон должен быть написан на литературном наиточнее выраженном языке данного племени»⁵⁰.

Правотворческие процессы обеспечивались научными исследованиями. В конце 1950–1980-х годов законодательная техника становится предметом исследований Н.Н. Полянского, Д.А. Керимова, Г.И. Шаткова, А.А. Ушакова, С.С. Алексеева, В.М. Савицкого, А.С. Пиголкина и др. В их трудах формулируются требования логически последовательного изложения содержания закона, точности и ясности языка, который при этом должен быть доступным. Возникает дискуссия о стилистических особенностях языка закона. А.С. Пиголкин считал, что «закон пишется на правильном литературном языке», «язык законодательства вовсе не является каким-то особым видом языка со специфическими закономерностями стилистики и грамматики»⁵¹.

⁴⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 316.

⁴⁹ Цит. по: Антонова Л.И. Отдел законодательных предположений и кодификации народного комиссариата юстиции РСФСР и его роль в предварительном рассмотрении законопроектов, 1917–1922 гг. // Правоведение. 1965. № 1. С. 119.

⁵⁰ Луначарский А. О языке закона // Известия ЦИК СССР. 1931. 24 мар.

⁵¹ Пиголкин А.С. Язык советского закона и юридическая терминология // Правоведение. 1968. № 5. С. 45, 46.

На формирование второй позиции повлияли изыскания языковедов о деловом стиле русского литературного языка. Основываясь на этих исследованиях, А.А. Ушаков сформулировал теорию советской законодательной стилистики⁵².

Подведем итоги. Лексика юридического языка начинает формироваться еще в догосударственный период. Образование государства привело к становлению государственного языка. На его ядро — юридический язык — особое влияние оказало крещение Руси. Влияние византийского права в X–XVII вв. обусловило формирование лексической основы юридического языка России. В период Российской Империи юридический язык обогащается благодаря притоку романо-германской и латинской правовой терминологии, влиянию церковнославянского языка. В советский период были предприняты попытки обновления юридического языка за счет исключения из него «канцеляризм» и наполнения «советской» терминологией.

Юридический язык России является частью истории ее правовой и шире — национальной культуры. Его становление и развитие отразило те правовые чувства и мысли, которые возникали в течение тысячи лет в повседневной жизни и межнациональном общении людей, и нашли выраженные в юридических категориях и понятиях. Юридический язык транслирует историческую память предшествующих поколений народов России и придает форму новым правовым явлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013. С. 26, 72, 78–80, 84, 91–117, 132–134.
2. Акишин М.О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Т. 12. Вып. 5. Археология и этнография. 2013. С. 233–241.
3. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980.
4. Антонова Л.И. Отдел законодательных предположений и кодификации народного комиссариата юстиции РСФСР и его роль в предварительном рассмотрении законопроектов, 1917–1922 гг. // Правоведение. 1965. № 1. С. 119.
5. Виноградов В.В. История русского литературного языка // Виноградов В.В. Избр. труды. М., 1978. С. 15, 21, 26, 27.
6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учеб. М., 1982. С. 23, 82, 84, 90.

⁵² См.: Ушаков А.А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М., 2008. С. 121.

7. *Винокур Г.О.* Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 115.
8. *Горшкова О.В.* Язык московских грамот XIV–XV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1951.
9. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 236, 237.
10. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986.
11. *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. С. 279.
12. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Древнее славянское право: архаичные мифотические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 10–30.
13. *Кашианов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 378.
14. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: в 2 т. Т. I. М., 1996. С. 99.
15. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 316.
16. *Ломоносов М.В.* Новое примерное расположение и учреждение Санкт-Петербургской императорской академии наук, на высочайшее рассмотрение и апробацию сочиненное. Регламент Санкт-Петербургской императорской академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 149.
17. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. VII. М.; Л., 1952. С. 768.
18. *Луначарский А.* О языке закона // Известия ЦИК СССР. 1931. 24 мар.
19. *Львов А.С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 189.
20. *Магницкий М.Л.* Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835. С. 22, 25–28.
21. *Никитин О.В.* Речевые средства деловой письменности, их функционально-стилистический орнамент в «Словах и делах государевых» // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2007. № 4/17. С. 92.
22. *Омельченко О.А.* Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещенного абсолютизма» в России // Проблемы политической и правовой идеологии. М., 1989. С. 82.
23. *Петров К.В.* Соотношение обычного права и закона в русской судебной практике XVI–XVII вв. // Государство и право. 2007. № 7. С. 80–83.
24. *Пиголкин А.С.* Язык советского закона и юридическая терминология // Правоведение. 1968. № 5. С. 45, 46.
25. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 106.
26. Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 146.
27. Правила изложения законопроектов. СПб., 1913.
28. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10-ти т. Т. 7. Критика и публицистика. Л., 1978. С. 19.
29. *Рогов В.А., Рогов В.В.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.). М., 2006. С. 87, 88.
30. Русская историческая библиотека. Т. VI. Стб. 3.
31. *Селищев А.М.* Избр. труды. М., 1968. С. 129–140.
32. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. С. 43, 44; вып. 5. С. 380; вып. 7. С. 316–318; вып. 12. С. 271, 272; вып. 17. С. 150, 151; вып. 19. С. 168, 169; вып. 21. С. 66, 67.
33. *Смирнова Н.В.* Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2009. С. 9–11.
34. *Соболевский А.И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 147–158.
35. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 81.
36. *Соловьев А.В.* Византийское имя России // Византийский Временник. Т. 12. М., 1957. С. 134–155.
37. *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 59, 61.
38. *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 132.
39. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 45.
40. *Ушаков А.А.* Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М., 2008. С. 121.
41. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. I. М., 1986. С. 40, 110, 250, 278, 283, 322, 324.
42. *Хисамова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI–XIX вв.). Казань, 2012.
43. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. I. М., 2006. С. 154, 156; т. 2. С. 216, 298, 348, 349.
44. Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. М., 1953. С. 28–32, 133, 134.
45. *Шамшин И.В.* Административная лексика в памятниках деловой письменности XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. С. 25.
46. *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

REFERENCES

1. *Abzalov L.F.* Horde the office. Kazan, 2013. P. 26, 72, 78–80, 84, 91–117, 132–134 (in Russ.).
2. *Akishin M.O.* Sortowanie of the peoples of Siberia with the accession of Russia // Bulletin of NSU. Ser. "History, Philology". Vol. 12. Vol. 5. Archaeology and Ethnography. 2013. P. 233–241 (in Russ.).
3. *Alekseev Yu.G.* Pskov court Charter and its time. L., 1980 (in Russ.).
4. *Antonova L.I.* Department of legislative assumptions and codification of the people's Commissariat of justice of the RSFSR and its role in the preliminary consideration of draft laws, 1917–1922 // Jurisprudence. 1965. No. 1. P. 119 (in Russ.).
5. *Vinogradov V.V.* History of the Russian literary language. proceedings. M., 1978. P. 15, 21, 26, 27 (in Russ.).
6. *Vinogradov V.V.* Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries: Textbook. M., 1982. P. 23, 82, 84, 90 (in Russ.).
7. *Vinokur G.O.* Selected Works. works on the Russian language. M., 1959. P. 115 (in Russ.).
8. *Gorshkova O.V.* The language of Moscow letters of the XIV–XV centuries: abstract ... cand. Philol. sciences'. M., 1951 (in Russ.).
9. The ancient Russian state and its international significance. M., 1965. P. 236, 237 (in Russ.).
10. Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI – first half of the XVII century. Texts. L., 1986 (in Russ.).
11. *Zimin A.A.* Russian Truth. M., 1999. P. 279 (in Russ.).
12. *Ivanov V.V., Toporov V.N.* Ancient Slavic law: archaic mythoethical foundations and sources in the light of language // Formation of early feudal Slavic peoples. M., 1981. P. 10–30 (in Russ.).
13. *Kashtanov S.M.* Research on the history of princely offices in medieval Russia. M., 2014. P. 378 (in Russ.).
14. *Cyustin A. de.* Russia in 1839: in 2 vols. Vol. I. M., 1996. P. 99 (in Russ.).
15. *Lenin V.I.* Complete works. Vol. 36. P. 316 (in Russ.).
16. *Lomonosov M.V.* New approximate location and establishment of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, composed for the highest consideration and approbation. Regulations of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences // Lomonosov M.V. Complete works. Vol. 10. M.; L., 1957. Pp. 149 (in Russ.).
17. *Lomonosov M.V.* Complete works. Vol. VII. M.; L., 1952. P. 768 (in Russ.).
18. *Lunacharsky A.* On the language of the law // News of the CEC of the USSR. 1931. Mar. 24 (in Russ.).
19. *Lions A.S.* Vocabulary of the "Tale of bygone years". M., 1975. P. 189 (in Russ.).
20. *Magnitsky M.L.* Brief guide to business and state literature for officials entering the service. M., 1835. P. 22, 25–28 (in Russ.).
21. *Nikitin O.V.* Speech means of business writing, their functional and stylistic ornament in "Words and deeds of the sovereign" // Bulletin of Yesenin Ryazan state University. 2007. No. 4/17. P. 92 (in Russ.).
22. *Omelchenko O.A.* Ideas of the constitutional law and "universal legality" in the legal policy of "enlightened absolutism" in Russia. Problems of political and legal ideology. M., 1989. P. 82 (in Russ.).
23. *Petrov K.V.* Correlation of customary law and law in Russian judicial practice of the XVI–XVII centuries // State and Law. 2007. No. 7. P. 80–83 (in Russ.).
24. *Pigolkin A.S.* The language of Soviet law and legal terminology // Jurisprudence. 1968. No. 5. P. 45, 46 (in Russ.).
25. Letters and papers of Peter the Great. Vol. 9. Vol. 1. M.; L., 1950. P. 106 (in Russ.).
26. A tale of bygone years. SPb., 1996. P. 146 (in Russ.).
27. Rules for presenting draft laws. SPb., 1913 (in Russ.).
28. *Pushkin A.S.* Complete works: in 10 vols. Vol. 7. Criticism and journalism. L., 1978. P. 19 (in Russ.).
29. *Rogov V.A., Rogov V.V.* Old Russian legal terminology in relation to the theory of law (Essays of the IX – mid XVII centuries). M., 2006. P. 87, 88 (in Russ.).
30. Russian historical library. Vol. VI. Stb. 3 (in Russ.).
31. *Selishchev A.M.* Selected works. M., 1968. P. 129–140 (in Russ.).
32. Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries Vol. 2. P. 43, 44; vol. 5. P. 380; vol. 7. Pp. 316–318; vol. 12. P. 271, 272; vol. 17. P. 150, 151; vol. 19. P. 168, 169; vol. 21. P. 66, 67 (in Russ.).
33. *Smirnova N.V.* Development of civil and administrative law terminology in the Russian language of the XVIII century: abstract ... cand. Philol. sciences'. Arkhangelsk, 2009. P. 9–11 (in Russ.).
34. *Sobolevsky A.I.* History of the Russian literary language. L., 1980. P. 147–158 (in Russ.).
35. *Sobolevsky A.I.* Translated literature of Moscow Russia of the XIV–XVII centuries., 1903. P. 81 (in Russ.).
36. *Solovyov A.V.* The Byzantine name of Russia. Vol. 12. M., 1957. P. 134–155 (in Russ.).
37. *Speransky M.M.* Guide to the knowledge of laws. SPb., 2002. P. 59, 61 (in Russ.).
38. *Trubetskoy N.S.* The Slavic element in Russian culture // Problems of linguistics. 1990. No. 2. P. 132 (in Russ.).
39. *Uspensky B.A.* History of the Russian literary language (XI–XVII centuries). M., 2002. P. 45 (in Russ.).
40. *Ushakov A.A.* Favorites: Essays of the Soviet legislative style. Law and language. M., 2008. P. 121 (in Russ.).

41. *Fasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols. М., 1986. С. 40, 110, 250, 278, 283, 322, 324 (in Russ.).
42. *Khisamova F.M.* Tatar language in the Eastern diplomacy of Russia (XVI–XIX centuries). Kazan, 2012 (in Russ.).
43. *Chernykh P. Ya.* Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols. М., 2006. P. 154, 156; vol. 2. P. 216, 298, 348, 349 (in Russ.).
44. *Chernykh P. Ya.* The language of the Code of 1649. М., 1953. P. 28–32, 133, 134 (in Russ.).
45. *Shamshin I.V.* Administrative lexicon in the monuments of business writing of the XVIII century: abstract ... cand. Philol. sciences'. М., 1998. P. 25 (in Russ.).
46. *Shchapov Ya.N.* Byzantine and South Slavic legal heritage in Russia in the XI–XIII centuries. М., 1978 (in Russ.).

Сведения об авторе

АКИШИН Михаил Олегович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета; 630090 г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1

Authors' information

AKISHIN Michael O. — Doctor of History, PhD in Law, associate Professor, leading researcher of the Laboratory of humanitarian research of the Novosibirsk National research state University; 1 Pirogova str., 630090 Novosibirsk, Russia